

Анатолий ПЕТУХОВ

г. Вологда

МЕДВЕЖЬЯ ЛЯДИНА

1

Молоковоз Миша-Маша, желтолицый и безбородый, очень похожий на китайца неопределенного возраста, протопал грязными сапожищами к двери в кабинет председателя колхоза.

— Там совещание! — предупредил счетовод, повернув очки взглянув на молоковоза.

— Гы... — ослабил Миша-Маша и высоким бабьим голосом сказал: — Раз иду, значит, спешно надоть!

Он вошел в кабинет, снял замызганную кепчон-

ку, молча поклонился, потом долго шарил в карманах заляпанных грязью брезентовых штанов.

— Во... Думал уж посеял где, — и подал председателю мятую бумажку. — От Гоглева, — он снова поклонился и вышел сияющий, с выражением достоинства и исполненного долга на дряблом лице.

Председатель, лет пятидесяти, грузноватый, как всякий сердечник, с крупной лысой головой, обвел всех озабоченным взглядом и остановился на бригадире, доклад которого был прерван появлением молоковоза.

— Продолжай, продолжай! — сказал он и развернул бумажку.

«Прошу розрешенья наперезд в центр. Здоровье худое и взиму оставаце никак немогу. Ксему Александр Гоглев».

Рыжие брови председателя сдвинулись. Бригадир опять умолк на полуслове, а секретарь партбюро, шеголеватый мужчина при галстукке и выбритый до синевы, с беспокойством спросил:

— Что там стряслось, Михаил Семенович?

— Гоглев просится на центральную усадьбу, — вздохнул председатель.

Все, кто был в кабинете, разом задвигались.

— Пусть и не выдумывает! — тряхнула пышной прической зоотехник и откинула голову к стене: она знала, что именно так, приподнятое кверху, ее точеное личико выйдет эффектно, а на нее сейчас были обращены все взгляды. — Там же тридцать семь коров!

Заместитель председателя, обрюзглый и красный, сцепил короткие пальцы, коричневые от махорки, и, глядя в пол, сказал:

— Не надо было давать Гоглеву новую избу рубить. Вот срубил и теперь начнет крутить... Прижимать их всех надо, больно вольные стали!..

— Доприжимали — людей не осталось, — сверкнул глазами в его сторону председатель.

— А я вот не понимаю, чего, собственно, Гоглевым надо? — недоуменно пожал плечами секретарь партбюро. — Материально обеспечены — лучше некуда, сами себе хозяева... Что им, клуб нужен? Школа? Все взрослые, политической жизнью не интересуются...

— Ладно, — перебил его председатель. — С Гоглевыми и сам разберусь...

Бригадиры докладывали о ходе уборки картофеля, просили присылать побольше школьников — колхозники работают вяло, поздно выходят на работу и рано

ее кончают, многие отвлекаются на клюкву, которойросло, как на грех, видимо-невидимо.

А у председателя не выходило из головы заявление Гоглева — последнего жителя деревни Медвежья Лядина. Прошлым летом оттуда пришлось перевезти на центральную усадьбу два хозяйства — ветхие старики Прохоровы перебрались к сыну, а Симаковы наотрез отказались отдать свою младшую дочку-первоклассницу в интернат. Вот и осталась в Медвежьей Лядине одна семья Гоглевых. Но какая семья! Она стоит половины бригады: хозяин, хоть и инвалид войны, — хороший тракторист, жена и дочь — доярки, сын, только что вернувшийся из армии, — механизатор широкого профиля.

Верно, год назад, осенью, председатель разрешил Гоглеву рубить новый дом. Но тогда никакого разговора о переезде в центр не было.

«Наверно, сын это затеял, — подумал председатель. — Что же, придется потолковать с Гоглевыми. Коров-то и в самом деле девать некуда...»

2

Дорога в Медвежью Лядину, если эти две глубокие колеи, залитые водой, можно было назвать дорогой, пролегла лесом. Волок одиннадцать километров. Ни жилья, ни поля, ни поженки. Один лес, глухой, мрачный, замшелый, веками не рубленный, потому что на много километров вокруг нет подходящей для сплава речки.

По этой дороге раньше ездил только молоковоз Миша-Маша, и проселок был лучше. Но вот прошли здесь на тяжелых вездеходах геологи, и дорогу не узнать. Председатель то и дело вылезал из «газика» и шлепал большими — не по ноге — сапогами по жидкой грязи, пробуя колею. Глубокие колеи он пропускал между колес, рискуя сорваться с бровки и сесть «на брюхо», а где было мельче — гнал напропалую, так, что передние стекла заливало грязной водой.

Конечно, по этой дороге надо бы ездить верхом, но что делать, если в колхозе нет выездной лошади?

Медвежья Лядина доставляла председателю меньше всего хлопот. Там всегда и все делалось вовремя и по-хозяйски. Гоглевы умудрялись уп-

равляться с площадью почти в сотню гектаров, лишь в сенокос приходилось присылать им помощь. Дойное стадо там тоже одно из лучших. Прошлый год только этот участок в третьей бригаде и дал прибыль, на остальных были убытки. И кормов там заготовлено на всю зиму. Если переводить коров в другое место, то и корма тоже придется перевозить. А это — не шутка.

Председатель не был сторонником переселения колхозников из дальних деревенок и хуторов на центральную усадьбу. Он считал, что и без того тающие уголья после переселения станут сокращаться еще быстрее: попробуй в бездорожье развозить рабочую силу по всем этим выселкам да хуторам в весеннюю пору или в уборку урожая! А пока живет на месте вот такой Гоглев, он без подсказки сделает все, что надо. Крестьянская хватка у него редкостная, без дела часу не просидит. А выдастся день-другой свободный, он возьмет топор и пойдет по полям да позням. Там кусты вырубит, что незаметно поднялись на лугу, там межник на полосе расчитит, изгородь поправит... Нет, Медвежью Лядину нельзя опустошать. Нельзя переселять Гоглева! Но и отказать ему — как? Он тоже хочет жить лучше. На сселение хуторов и мелких деревень дана и установка райкома.

Но что — установка? За восемь лет председательства немало было всяких установок, но многие из них так и остались неисполненными, потому что со временем были признаны либо ошибочными и вредными, либо просто бесполезными. И теперь председатель думал о том, что установка на сселение хуторов может смениться другой установкой — заселять, обживать отдаленные опустевшие уголья, которые во много раз легче пустить в хозяйственный оборот, чем моховые болота, уже несколько лет тщетно осваиваемые мелиораторами. И кто знает, возможно, через пять-шесть лет в ту же Медвежью Лядину придется перевозить семьи из разросшейся центральной усадьбы, потому что трудно рассчитывать на успех, когда колхозник оторван от земли и живет вдали от полей и лугов.

Опустошить Медвежью Лядину сейчас — это значит обрубить еще один корень, который питает колхозную жизнь. А сколько таких корней уже обрублено!..

Машина угрожающе замедлила ход — глубока

колея! Председатель сдал назад, выключил сцепление и вышел прощупывать дорогу. Здесь, в ложбине, геологи так измеси́ли проселок, что проехать оказалось невозможно. Миша-Маша на своей телеге-одноколке объезжает это место кустами, а на ГАЗ-69 не объедешь...

Михаил Семенович захлопнул дверцу машины и, взяв на руку плащ, побрел пешком.

Сентябрьский день был пасмурным и тихим. Серое промозглое небо, разбухшее от воды, висело низко, над самым лесом. Того и гляди польет дождь. А на стлещах — лен с двадцати с лишним гектаров. Постояла бы погода дня три, и лен можно поднимать. Если же пойдут дожди, треста опять сгниет, как в прошлую осень...

Председатель поймал себя на мысли, что даже вот в такие минуты, оставаясь наедине с самим собой, он думает о колхозе, будто нет у него других забот, нет своей человеческой жизни. И в самом деле, есть ли у него эта своя жизнь? Не заметил, как дочь и сыновья окончили педагогический институт и разъехались на работу. Написал ли он за последние восемь лет хоть одно письмо им? Нет. Не написал. Всю переписку с детьми ведет мать. А когда в июле приезжал в отпуск младший сын, разве он, отец, видел его?

Только при встрече да при проводах. Хозяйство большое, объединенное из пяти колхозов, из конца в конец двадцать шесть километров. И везде надо успеть, все надо посмотреть своими глазами. Хочешь не хочешь, а приходится каждый день мотаться с рассвета до ночи по полям да бригадам, даже поесть нормально, как прежде, когда был учителем, некогда.

Школа, в которой Михаил Семенович проработал двадцать лет, вспоминается теперь как что-то родное и светлое, но далекое и утраченное навсегда, безвозвратно, как молодость.

Крут был поворот. Ни с того ни с сего вызвали в райком и без всякой «обработки», сразу: пойдешь председателем в объединенный колхоз «Путь к коммунизму». Трудно будет? Конечно! Но партия на легкое дело коммунистов не направляет.

Так оборвалась уже устоявшаяся, устроенная и привычная жизнь учителя географии, тоже не легкая и тоже не спокойная. Но то была жизнь понятная, где если не все, то очень многое зависело от себя.

Колхоз — другое дело. Это со стороны кажется, что председатель — хозяин. На самом деле он исполнитель, потому что есть еще райком, райисполком, управление сельского хозяйства, объединение «Сельхозтехника»... За восемнадцать лет в партии не имел ни единого взыскания, а тут один за другим три выговора: за антикукурузные настроения, за то, что не внедрил зимнее сводно-выгульное содержание телят и, наконец, за отказ распахивать клевера.

Думал, что пропал, не выдюжить. Уж и в больнице с инфарктом пришлось полежать... Но на смену одним веяниям пришли другие, на смену другим — третьи. Отошла кукуруза, снова признали травополье; и телят держать зимой под открытым небом тоже запретили. Выговора сняли. Да и самостоятельности теперь стало побольше...

Многое постиг Михаил Семенович за годы председательства, многому научился. Но главного еще не сделал — не вывел колхоз из отстающих. То, что «Путь к коммунизму» в районных сводках с самого низу поднялся до серединки, не утешает: ему, председателю, лучше кого бы то ни было известно, что из убытков удалось вылезть за счет повышения закупочных цен. Вот если бы людей было побольше...

Люди... Председатель хорошо знает им цену и чуть ли не главным достижением своим считает то, что научился говорить с людьми, научился их понимать, научился влиять на них. Все эти восемь лет он дрался за каждого человека и теперь сам взялся уладить дело Гоглевых, потому что чуть подсказывало: от переселения на центральную усадьбу всего один шаг до ухода сына Гоглевых из колхоза; а там, чего доброго, и дочь их найдет жениха на стороне...

Лес неожиданно раздвинулся. Начались пожни с темно-зеленой густой отавой и желто-серыми высокими стогами в аккуратных клетушках изгородей. По отлогому склону широко разбрелось пестрое стадо.

А на горе — Медвежья Лядина. Отсюда, снизу, она кажется еще большей, и трудно поверить, что там остался всего один жилой дом.

«Раньше здесь было сорок с лишним дворов!» — с грустью подумал председатель и медленно, оберегая сердце, стал подниматься в гору.

3

Возле покосившегося, вросшего в землю дома Гоглевых стояла, желтая сосновыми брёвнами, новая изба, пока без крыши, без рам в окнах и без печки: все это будет делаться на месте, когда избу перевезут.

«А домишко-то небольшой срубил, — отметил председатель. — Видать, на сына не рассчитывает. Иначе бы пятистенок ставил».

Он поднялся на ветхое крыльцо, обил с сапог грязь и вошел в избу.

Дома оказалась дочь Гоглевых — Валентина. Это была полная девица с круглым загорелым лицом, которое не отличалось ни живостью, ни красотой: невысокий лоб, почти белые, точно полинялые брови, маленький — сапожком — нос и мелкие неровные зубы. Без кофты, но в фартуке, надетом поверх рубахи, Валентина стирала белье. Она не удивилась, когда на пороге появился председатель, и даже не прервала работу.

— А что, Александра Ивановича нет дома? — спросил Михаил Семёнович, стараясь не смотреть на пышные плечи Валентины: стеснительность была, кажется, единственной чертой, сохранившейся в его характере от поры учительства.

— Нету. Он на скотном дворе. Позвать? — Валентина медленно разогнула широкую спину, стряхнула с рук мыльную пену и с усталым равнодушием, будто все ещё продолжая думать о чем-то тягостном и неотвязном, взглянула на председателя большими серыми глазами.

— Не надо. Я схожу. А ты бы самоварчик поставила...

— Хорошо.

Она вытерла руки о фартук, взяла со спинки кровати цветастую кофту, но надевать её не спешила.

— Братишка-то, как его... Виталий, кажется?.. Он что, куда-нибудь уехал?

— Не. В лес ушёл. С ружьём.

— А! — председатель понимающе кивнул. — Поохотиться, значит... Так ты самоварчик-то поставь!

— Поставлю, — бесцветно отозвалась Валентина и стала натягивать кофту.

Михаил Семенович скользнул взглядом по её крепкому сильному телу и вышел.

Вспомнилось, как после окончания восьми-

летки Валентина просилась в торгово-кооперативный техникум, а он, новый председатель, уготваривал её, тогда еще совсем молоденькую и робкую девчонку, поработать дояркой хотя бы года два-три. И вчерашняя ученица не смогла противостоять этим уговорам...

Как давно это было! А впрочем, давно ли? Восемь лет назад, чуть даже меньше. Но время неузнаваемо изменило Валентину. Да и её ли одну? Сам он за эти же годы стал совсем другим...

Гоглевы утепляли коровник. Вооружившись стамеской и молотком, Александр Иванович конопатил щели возле окон, а его жена, Павла, носила кузовом — большущей плетёной корзиной — солому на потолок.

«Хотят переезжать, а двор к зиме готовят, — удивился председатель. — Или передумали?..»

Прежде чем подать руку, Гоглев старательно вытер ладонь о штаны.

— Утепляем? — стараясь придать голосу беззаботную твердость, сказал Михаил Семенович. — Хорошее дело!

— Да ведь как? Надо! — пожал плечами Гоглев.

Несмотря на теплый день, он был одет почти по-зимнему: в ватных штанах, в фуфайке и шапке-ушанке, и на ногах его были валенки с галошами. Такой наряд не удивил председателя: он знал, что Александр Иванович с тех пор, как получил тяжелое ранение на войне и у него удалили часть черепа, все время зябнет.

Подошла Павла, энергичная ширококостная женщина с быстрыми хитроватыми глазами.

— Поди-ко зря и стараемся? — сказала она. — Коровушек-то отсюль перегонять будете?

— До зимы недалеко, утеплять надо, — неопределенно ответил председатель.

Надежда на то, что Гоглевы отдумали переезжать, рухнула.

— А я чего-то машины не слышал. Не пешком ли? — спросил Александр Иванович, тонко уловив смену в настроении председателя и не желая заводить разговор о переезде вот тут, возле коровника.

— В логу машину оставил. Не смог проехать.

— Да, да, там худо... Дак чего, Павла, пойдем домой, время и пообедать!..

Молча втроем они медленно шли мимо заросшего крапивой унылого кладбища с редкими покосившимися крестами, серой, подер-

нутой мхом часовенкой. Но изгородь вокруг кладбища была крепкой: Александр Иванович сам каждый год меняет подгнившие жерди и колья, чтобы вольно пасущаяся скотина не забредала на могилы. Здесь под старыми елками и желтеющими высокими березами покоится прах его отца и матери, деда и бабки и еще многих близких и дальних родственников, которых Александр Иванович не знает и не помнит: ведь первым насельником был в Лядине именно гоглевский корень — то ли дед, то ли прадед покойного отца.

«Уедем — изгородь упадет, могилы зарастут кустами да репьем, кресты сгниют», — с тревожной тоской подумал Гоглев, и в глубине сердца холодком шевельнулось неприятное чувство, будто, собираясь покинуть родную деревню, он предает самое святое, что есть у человека. И вперемешку с этим чувством скребнуло душу тайное желание самому быть похороненным тоже здесь, под этими елками, рядом с отцом, с которым когда-то вместе рубил подсеки, катал новину, вырывая у леса землю и наращивая эти поля.

Впервые ему подумалось, что переезд на центральную усадьбу колхоза будет не так уж и легок и совсем не радостен. Однако переехать придется: этого хотят, на этом настаивают и сын и дочь.

О предстоящем переселении думала и Павла. Но она родилась не здесь, ее деревня — Починок, откуда она вышла замуж в Медвежью Лядину. По характеру своему общительная и любящая быть на людях, Павла чувствовала себя готовой покинуть Лядину хоть сейчас, сию минуту, лишь бы детям было лучше, легче жить. Но в том, как председатель сказал — «до зимы недалеко, утеплить надо», — она уловила недобрый скрытый смысл, и теперь ее тревожили сомнения: неужели председатель приехал затем, чтобы уговорить их остаться здесь еще на зиму? И она напряженно думала, что и как сказать председателю, как убедить его, что оставаться здесь совсем уж невозможно...

Так, не проронив ни слова и думая об одном и том же, но каждый по-своему, они миновали кладбище и вошли в пустую деревню с темными поникшими избами, от заколоченных окон в которых веяло неприятным холодом, нежилью.

— Пасеку-то еще держишь? — спросил Михаил

Семенович, которому это молчание было слишком тягостным.

— Держу. Как же! Медку ноне порядочно было, не то что лонись.

— Хорошо.

— Да вишь ли, Михайло Семенович, несподручно этим делом стало заниматься. В сельпе и в районе ничего нету. За вощиной в город ехать надо, за двести верст, дымаря не могу раздобыть, маточников... Неужто в район привозить нельзя? Водка, она и тяжелыше, и бедствия от ей сколько, а возят, без перебоев возят — пейте, мужики!

— Многого еще не хватает! — вздохнул председатель. — Райсоюз у нас неразворотливый. Я вот сапог не мог достать сорок первого размера, в таких лыжах хожу.

Гоглев сочувственно кивнул, а председатель подумал: «На центральной усадьбе ему, пожалуй, негде будет пасеку держать».

— Домик-то не маловат срубил?

— Да ведь как?.. Боле бы — не хуже, да силенок-то мало! Все один делал. Нам-то хватит.

«Значит, сына надеется устроить на сторону», — понял председатель.

...Гоглевы накрыли стол по-царски: томленные мясные щи, тушеные в русской печке рябчики с золотистой картошкой, копченый леЩ, соленые — с пятачок — рыжики, огурцы... Пока Павла все это таскала из кухни, хозяин слазал в подпол и достал бутылку янтарной настойки.

— На меду да на морошке сготовлена, — пояснил он. — К приезду Витальки запас, а тот, стервец, и не пьет. Попробовал только...

— Научится! — отозвалась Павла. — Чему бы доброму...

Зафыркал паром самовар. Валентина сняла трубу, хотела заварить чай, но мать строго шепнула ей:

— Перепреет — вениками пахнуть будет! — и повернула к председателю румяное улыбающееся лицо: — Да ты сядь, сядь к столу-то, Михайло Семенович! Чего стоишь? Не надейся, не вырастешь.

— Где уж вырасти! Последние волосы с головы лезут, — усмехнулся председатель и провел ладонью по лысине.

— И то правда. А ведь председателем-то пришел, дак волосье-то, помню, как у парня было!

— Поди, из-за волосьев за его и голосовала, —

пошутил Александр Иванович, довольный тем, что жена смекнула: спешить с серьезным разговором не след.

— А чего? Худо ли, когда председатель-то умной, красивой да видной!

«Хитрая бабенка, издалека подъезжает!» — подумал Михаил Семенович и сел за стол.

Гоглев налил по полстакана настойки себе и председателю.

— Ты чего же хозяек обижаешь? Всем уж налей.

— И так много шумят. А выпьют — буяннить начнут.

— Ну уж не скажи! Жена, если и поворчит, так по-любовному, а спокойней да тише твоей Валентины во всем колхозе девки нет.

— В тихом омуте, говорят, черти живут!.. Ну, за твое здоровье, Михайло Семенович! Не частый ты у нас гость.

«Неужели дочка их взбаламутила?» — удивился председатель. Он отставил пустой стакан и мельком глянул на Валентину. Та была невозмутимо спокойна, казалось, она не слышала разговора.

— Заведутся черти! — заступилась за дочь Павла. — И ей не век в девках сидеть. Двадцать четвертый год пошел.

— Невеста есть — жених найдется, — сказал Михаил Семенович и тотчас пожалел, что ляпнул, не подумав.

— Где найдется? — уцепилась за слово Павла. — Здесь? Да она, кроме Миши-Маши, и людей-то не видит.

— Помолчи ты! Дай человеку поесть.

— Дак ведь ты завелся со своими чертями! — буркнула Павла.

«Значит, дело в Валентине, — решил председатель. — Да Виталий, наверно, масла подливает. Вот и загорелось переехать. Виталия надо изолировать, тогда и Валентина утихнет».

— А настоечка у тебя добрая! — похвалил Михаил Семенович. — Тепло так по всему нутру и расплылось.

Гоглев по-своему понял похвалу и потянулся к бутылке.

— Нет, нет! — запротестовал председатель. — Пробу снял, и хватит... А рябчиков-то Виталий спроворил?

— Он!.. Как домой пришел, сразу за ружье. Соскучился по охоте-то, в Туркмении служил... Тут как-то пару мошников принес. Здоровущих!

— Здесь место глухое, лес богаче... И тетеревишки водятся?

— И тетеревьё есть. Вот лист-то с берез опадет — добро на чучалки лететь будут.

— Я, когда в школе работал, тоже любил с ружьем побродить. И на рыбалку ходил. На речку. А у вас ведь тут недалеко и озеро есть?

— Как же! Лещ-то оттуда. Сам ловил, сам коптил...

— Ну-у!

— И сушкику запас, — глаза Александра Ивановича влажно поблескивали, он откинулся на стуле. — Здесь, Михайло Семенович, жить-то ой как можно! Вполовину лес прокормит. Груздей, рыжиков ноне было, ягод. Да вот и рыба — тоже. Считай, кроме одежды да обуви, ничего и не покупаем. Чай еще. А сахару три года не покупывали: меду хватает... Ты медку-то больше, больше клади! Ноне мед хороший...

«Теперь в самый раз разговор повернуть», — подумал председатель и сказал: — Мед — он лучше сахару. Полезнее. Да... Вот лошадку бы вам надо. Павла-то на себе, гляжу, солому на потолок носит, а по въезду и на лошади можно бы подниматься.

— Как не можно! Только ведь лошадей-то всех, не возьми в обиду, на колбасу извели.

— Для вас лошадь найду. Из второй бригады мерина переведу. Он и там без дела не стоит, да здесь-то нужнее. Сено, воду подвезти...

Павла с беспокойством скосила на мужа темные глаза, хотела что-то сказать, но Михаил Семенович продолжал:

— Тракторок-то как у тебя, бегаёт?

— Да бегаёт. Старое дело, конечно...

— Два «Беларуся» скоро получим. Может, обменять? Новый-то надежнее.

— Да ведь как... Новый — оно не худо. Здоровье вот только у меня...

— Обменим. А то случись что, тут ни мастеровских, ни запчастей... И то правда, что не с твоим здоровьем в старой машине ковыряться. А в остальном, значит, все в порядке?

— Да все... Бабы только у меня шумят. На других фермах доярки давно отпуска отгуляли...

— Чего — отпуска? Без выходных робим! — встала наконец Павла.

— Знаю, — председатель быстро соображал,

как удержать разговор в удачно нащупанном русле. — Знаю, — повторил он. — Имел в виду. С завтрашнего дня одной дадим отпуск. Которая первая пойдет?

Павла смешалась, потупилась: отпуск — это хорошо, но беседа с председателем пошла совсем не так и вовсе не о том, о чем надо бы говорить.

— Пускай буде Валюшка идет, — неуверенно сказала она. — Я-то привыкшая... Как, Валька?

— Мне все равно...

— А я думаю, — продолжал председатель, не давая Гоглевым собраться с мыслями, — сначала сама отдохни. Валентину мы пошлем на совещание передовиков. После совещания она и пойдет в отпуск. Так, наверно, лучше.

— Гли-ко ты! — обрадовалась за дочку Павла. — В передовики попала!.. Ну, ежели так, можно и мне передышку сделать. Недельку. Больше-то и не надо.

— Зачем же недельку? Отдыхай полный отпуск, двенадцать рабочих дней. Подменную доярку пришлю завтра же, — Михаил Семенович окинул взглядом просторную избу. — Я думаю, она вас не стеснит. Квартирные и за питание колхоз уплатит, не беспокойтесь.

— Чего там питанье! — махнула рукой Павла. — Не с голода отъедаться...

— А Виталий что думает? Не говорил, где собирается устраиваться?

— Да ведь как?.. Говорил. Пока с нами хочет... Ты уж не сердчай, Михайло Семенович, что он в эту пору, в уборочную, в лес ходит.

— Об этом и разговору не может быть! — оскорбился председатель. — Служба — вещь нелегкая, у самого сын в армии. Пусть Виталий отдыхает, сколько хочет. А потом-то куда?

— На машину ему охота, — быстро сказала Павла. — Только ведь в колхозе-то свободной машины нету!

— Нету — найдем. Кому другому, а ему дадим. Парень работающий, помню, как на комбайне ломил... Пусть-ка он завтра придет ко мне. К часу дня. Сможет?

— Да ведь как? Сможет. Придет. По правде, неохота его от дома отпускать. Хватит того, что старшие по городам живут. Виталька ведь не пьет, не курит, а на стороне враз свихнуться может...

— Старшие-то не свихнулись! — возразила Пав-

ла. — И живут не хуже людей, в хороших фатерах.

Александр Иванович крикнул, опять потянулся к бутылке, но председатель неожиданно встал.

— Все! Премного благодарен за угощение, за беседу. Но мне пора.

— Уже и уходишь? — растерялась Павла и резко обернулась к мужу. — А ты чего бутылку держишь? Наливай! — она со звоном сдвинула стаканы.

— Нет, нет, спасибо! — Михаил Семенович взял на руку плащ. — Ты, Александр Иванович, проводи меня, пасеку хоть свою покажи. Очень уж хорош у тебя мед!

Гоглев засуетился, стал надевать фуфайку, а Павла, все еще надеясь задержать председателя, метнулась в сени.

— Погодь-ко, Михайло Семенович, я тебе баночку медку наложу!

— Ни-ни! И не трудись — не возьму!

— Вот ведь какой несговорый! — Павла в огорчении хлопнула руками по широким бедрам. — Эстолько времени не бывал и ничего не посидел!..

Пасека — десять ульев — располагалась за деревней на южном склоне клеверного поля. Александр Иванович опять стал сетовать на то, что трудно стало заниматься пчеловодством, но председатель слушал его рассеянно.

— В этом, к сожалению, помочь пока не могу. Пока, — подчеркнул он. — А там — видно будет.

— Понимаю, понимаю! — закивал головой Гоглев. — Где же все вот так сразу... И то спасибо, большое спасибо!

Уже после того как Гоглев пожал председателю руку, Михаил Семенович достал из кармана пиджака сложенную вчетверо бумажку.

— Возьми. Я думаю, мы обо всем договорились.

— Это чего? — смутился Гоглев.

— Твое заявление.

— А-а... — Гоглев засмутился еще больше и начал поспешно прятать бумажку в карман; рука его дрожала.

...Павла встретила мужа у крыльца.

— Насчет переезду ты так ему ничего и не сказала? — строго спросила она.

— Да ведь как?.. Сама видишь, человек по-хорошему поговорил... Опять же лошадь, новый трактор обещал... Витальке машину. И с отпуском — тоже...

— Тебя, дурака, всю жисть обещаньями кормят!

— Не бруси! Кто другой, а Михайло Семенович не омманет!..

На пороге появилась Валентина.

— Не уедем отсюда — повешусь, — печально и тихо сказала она.

— Я те повешусь! — вспыхнул Гоглев, и голова его затряслась. — Ишь, кобыла! Вот отхвощу ремнем — уймешься!..

— Эх ты!.. — Валентина укоризненно покачала головой. С минуту она еще стояла на пороге, потом повернулась и молча ушла в избу.

— Горе с девкой. Чего взбесилась? — примирительно сказала Павла: она боялась, как бы с мужем от волнения не стало плохо.

— Ништо... Остепенится. Замуж ей надо бы... Дак чего, пошли, буде двор-то доконопачивать...

4

Дело Гоглевых наполовину было решено. Председатель знал: он исполнит все, что пришлось пообещать. Пусть это будет трудно, пусть велика уступка одной семье. Но ради того, чтобы в Медвежьей Лядине сохранилась жизнь и чтобы удержать Виталия в колхозе, на это стоило идти.

Он долго прикидывал, кого бы послать в Лядину подменной дояркой, перебрал всех, кто подходил на эту работу, и наконец остановил свой выбор на Ольге Крутовой, младшей дочери кузнеца Андрея с отдаленного хутора Малинино.

У Андрея было четверо дочерей, но трое уже вышли замуж и уехали кто в город, кто в райцентр. Не ровен час, увезут и Ольгу дальние женихи. Еще одним человеком в колхозе станет меньше. Надо сделать так, чтобы этого не случилось.

Поездку в Малинино председатель отложил на завтра: к Крутовым надо приехать врасплох, чтобы не дать им одуматься — это надежней.

Но утром пришла телефонограмма — вызов в райком, на совещание. Если уехать, весь тщательно и тонко продуманный план нарушится. И Михаил Семенович не медля позвонил секретарю райкома. Он сказал, что приехать никак не сможет, что дело касается одной кол-

хозной семьи и, пока он не решит этот не терпящий отлагательства вопрос, вообще никуда не выедет.

— Поручи дело заместителю и не превращай всякий пустяк в проблему, — назидательно сказал первый секретарь.

— Не могу! — отрезал председатель. — Хватит того, что у меня сегодня тридцать семь коров не доены. Если я уеду, их до вечера не подоят. За это вы с кого спросите?

— С этого и начинать надо было. Решай! А на совещание пришли заместителя.

Председатель облегченно вздохнул и положил трубку. Потом он позвонил во вторую бригаду — напомнил, чтобы к двум часам мерин, запряженный в телегу, был на центральной усадьбе, и только после этого вышел из конторы: пора ехать к Крутовым.

Дорога в Малинино была не многим лучше, чем в Медвежьей Лядине. И сама деревенька тоже почти опустевшая. Правда, в ней еще шесть жилых домов, но в трех живут старики пенсионеры, в двух — лесники и лишь в одном доме полноценная семья колхозников Крутовых. Хозяин — кузнец, жена его — на разных работах, а дочь Ольга ухаживает за овцами. Раньше Оля была дояркой, но коров из Малинина перевели на центральную механизированную ферму, и остались там одни овцы.

Вся семья Крутовых оказалась дома. Пахло канифолью и дымом. Андрей — рыжебородый мужик-молчун с черными от вьезшейся окалины руками, паял ведро, жена его и дочь стегали ватное одеяло, с одной стороны алое, с другой — небесно-голубое.

«Картошку ученики копают, а они дома сидят!» — с горечью подумал председатель. Но вместо выговора он громко и весело сказал:

— Здорово живем! Уж не приданое ли дочке готовите?

— А что? Невеста у нас — хоть куда! — в тон председателю ответила хозяйка, а внутренне насторожилась: неладно, что за домашним делом застал их сам Михаил Семенович.

Неловко почувствовала себя и Оля, белокурая сухонькая девушка. Она зарделась и ниже склонила голову над шитьем.

— Невеста добрая! Был бы моложе, да холостой, да не лысый — сам бы посватался! — предсе-

датель сел на табурет. — А я ведь, между прочим, за Ольгой приехал.

— А что? Куда ее? — встрепенулась мать, и лицо ее, молоджавое и не по годам свежее, вытянулось.

Хозяин тоже поднял на председателя близоручие слезящиеся глаза.

— В Медвежьё Лядину. Дояркой недельки две надо поработать. Гоглева-старшая отпуск просит.

— Неужто ближе подмену не найти? — запротестовала было хозяйка, но спохватилась, что спорить с председателем — не подходящий момент. — Вот так сейчас и ехать?

— Не обязательно сейчас. Но к двум часам чтоб была в конторе. А за овцами ты посмотришь.

Андрей, так и не проронивший ни слова, опять взялся за паяльник.

— Ой, да как она там жить-то будет? Хоть бы загодя сказали, так я бы пирогов напекла...

— Ну что ты, мама! Жила же я в интернате, — подала голос Ольга.

— Пирог и там будут: Гоглевы справно живут. И ничего лишнего брать с собой не надо. Одежду только: все-таки в людях жить. Да и девушка, сами понимаете...

— Одежи-то, слава Богу, хватит! На люди показаться не стыдно, — с достоинством ответила мать. — У Гоглевых-то, сказывают, сын из армии пришел?

— Да, Виталий дома.

— Ну, ну!..

Хозяйка собралась было ставить самовар, но председатель, сославшись на неотложные дела, ушел.

...Виталий явился в контору с армейской точностью — ровно в час дня.

Он так и пришел в военной форме, только без погон и в резиновых сапогах. Рослый, подтянутый, с живым лицом, он ничуть не походил на свою сестру, и председатель подумал: Валентина — в отца, а этот и характером, должно быть, в мать, и глаза, как у матери, — карие.

Михаил Семенович плотно прикрыл дверь кабинета, усадил Виталия к столу напротив себя и без лишних разговоров спросил: — В колхозе останешься или на стороне местечко подыскиваешь?

— Пока в колхозе, а там — увижу, — Виталий улыбнулся.

— Так дело не пойдет. Мне надо точно знать, на что я могу рассчитывать. Мы тебя учили, специальность дали...

— После училища я свое отработал. Полных два года.

Виталий держался свободно, смотрел прямо. Это был уже не тот бессловесный парнишка, выпускник профтехучилища, которого можно повернуть как угодно и куда угодно. Теперь он сумеет, если нужно, постоять за себя. Председатель почувствовал это сразу и сказал:

— Знаю. Потому и спрашиваю: останешься или уйдешь?

Михаил Семенович был уверен, что Виталий, которому, конечно, в подробностях известен вчерашний разговор в Медвежьей Лядине, не сможет прямо и определенно ответить на такой лобовой вопрос. И он не ошибся. Виталий заметно смешался и уже без прежней твердости сказал:

— Меня город не особо тянет. Если условия подходящие, можно и в колхозе поработать.

— Понятно. Машину просишь?

— Неплохо бы...

— Еще что?

— Сюда переехать всей семьей.

— А что, без отца-матери, один жить здесь не можешь?

— Почему же? Прожить можно. Но зачем, если есть возможность переехать?

— Как раз возможности такой нет.

— Почему? — Виталий удивленно поднял черные брови и встретился взглядом с председателем. Михаил Семенович глаз не отвел.

— Нам негде разместить скот. Коров некуда поставить. Помещения нет. Понял?

— Понял. — Виталий сник.

— Договоримся так: пока отдыхай, с ружьем поброди, а потом, этак через месяц, дадим тебе машину. Есть у нас один шофер-пьяница, давно ищущий, кем бы его заменить... И на квартиру тебя здесь устроим. К какой-нибудь старушке. Живи, работай.

— У отца здоровье плохое. Не хотелось бы мне откальваться. Все-таки два года не виделись... Да и чего в людях жить, когда свой дом есть?

— Не возражаю. Оставайся в Медвежьей Ля-

дине. Дадим тебе нового «Беларуся», а отец на лошади, сколько может, поработает. Машину туда давать нельзя: зимой дороги нет... На будущий год — слово даю, если отец с матерью захотят переехать, сразу перевезем. Моему слову можешь верить.

— Я все понимаю. А вот сестра...

— Что — сестра?

— Она никак не хочет там оставаться. Надоела, говорит, такая жизнь. В лесу, без людей...

— А ты поговори с нею, объясни обстановку. Убеди ее. Подчеркиваю — только на одну зиму.

— Это не так просто — убедить, — хмуро сказал Виталий. — Она ведь права. Пятнадцатилетней стала доить коров и с тех пор нигде не бывала. С ума сойти. Она же ничего в жизни не видела, ни-че-го!..

— Знаю, Виталий, — председатель сдвинул рыжие брови и долго смотрел на свои руки, огрубевшие, загорелые, совсем не учительские руки. — По себе знаю... — он поднял на Виталия грустные глаза. — А что делать? Рад бы я, но положение с коровами абсолютно безвыходное!.. Сегодня я посылаю к вам — вместе поедете — подменную доярку, чтобы мать у тебя могла отдохнуть. Кстати, не забудь получить ей отпускные... Потом Валентине отпуск дадим. Пожелает — в дом отдыха ее отправим. А больше... больше я ничем помочь не могу. Но зиму как-то протянуть надо. Надо!.. — он помолчал. — Ну, как решаешь? Останешься дома — на тракторе или на машину пойдешь? Тогда уж и квартиру подыскивать будем.

— На трактор мне не хочется, — неуверенно сказал Виталий. — Лучше на машину.

— Вот и отлично!.. Между прочим, около Октябрьских мы будем заселять новый восьмиквартирный дом. Центральное отопление, водопровод, канализация... Мало ли, если к тому времени надумаешь жениться — в этот дом поселим!

— Я о женитьбе еще и не думаю! Погулять надо, — улыбнулся Виталий.

— Конечно, конечно. Я так, к слову сказал... А с Валентиной потолкуй. Ты-то хорошо понял обстановку. И она должна понять. Ради общего дела иногда приходится и себя ущемлять. А как же! Такова жизнь...

...Спустя полчаса от колхозной конторы отъехала подвода. В просторной телеге на охапке сена сидели двое — Виталий Гоглев и Ольга

Крутова. Председатель помахал им с крыльца рукой и вернулся к себе в кабинет: проблема жизни в Медвежьей Лядине, по крайней мере на время, была решена.

5

Павла проснулась с ощущением тревоги: Господи, проспала! Она вскочила, засветила лампу, но увидела пустую кровать дочери да на полу свернутый пополам постельник Ольги и лишь тут вспомнила, что на ферму и сегодня тоже не надо идти. Взглянула на будильник — пять часов. Постояла посреди избы, простоволосая, в длинной полотняной рубахе, не зная, что делать: растапливать печку и доить свою корову еще рано — эти работы по заведенному порядку она делала позднее, по возвращении с фермы. Павла погасила свет и снова легла. Но спать не хотелось — сказывалась многолетняя привычка вставать в половине пятого...

Это был четвертый день отпуска, первого отпуска за последние пять лет, и Павла с благодарностью подумала о председателе: не зря учителем был — обходительный, словом не обидит, а делом всегда помочь готов; что обещал, все исполнил. За такое обхождение разве можно неприятность человеку сделать? Никак не можно! Жили одни прошлую зиму и еще проживем, раз уж так надо. Вот только Валюшка сама не своя ходит. Приспичило ей уехать, и все тут. Ничего, вот в дом-то отдыха съездит, так, может, и успокоится...

А раньше председатели были не такие: кто пил без просыпу, кто без мата и говорить с колхозниками не умел. Того же Корелина взять. Ученый был, присланный откуда-то. Всего год и поработал, а память о себе оставил надолго, недобрую память. Скольким девкам судьбу исковеркал, скольких ни за что ни про что под суд отдал. А пил-то как!..

Перенеслась Павла мыслями в далекий и памятный 1946 год.

Март выюжит. Студено на улице, студено в избе. Ребятишки — Витька и Колька — голодные. Хозяин приболел. И сама весь день на печи пролежала — еще утром начались схватки. А к вечеру отпустило. Пошла доить коров. С

фермы обратно еле брела, держалась ослабевшими руками за обледенелые жерди кладбищенской изгороди, хватая сухим ртом холодный воздух. Молода была, никогда Бога не поминала, а тут молила: дай, Господи, до дому добраться, помешкай, помани маленько, не торопи!.. И добрела. Ребятишки ревут. Не поняла от чего — не успела понять: перевалилась через порог да тут и родила...

Не помнила, как поднялась на печь. Пришла в себя уж утром. Удивилась, что мужа не видит: тех-то ребят он принял, сам. Глянула с печки, а Александр на полу без памяти лежит. Витька и Колька, видать, наревелись досыта и уснули на кровати, под шубой.

Сошла на пол, растолкала ребят, с ними кое-как подняла мужа на кровать — первые годы, как он с фронта пришел раненый, с ним часто такое случалось. Старшего, Кольку, послала к соседке Марфе — может, она колхозных-то коров подоит! А сама печку растопила и воду поставила греться — ребенка-то обмыть надо.

Вернулся Колька.

— Бабка Марфа болеет, не может никуда идти.

— Тогда к Анфиске Гоглевой сбегай!..

Всех в деревне обежал парнишка, но найти человека, который бы колхозных коров подоил, не смог: у каждого свои беды, свои заботы.

Обмыла дочку, ребят накормила. А потом и муж в чувство пришел. Голову с подушки поднять не может, а все видит и слышит, только молчит. Показала ему ребеночка, у Александра и слезы на глаза навернулись. Утерла их полотенцем и довольная, что все обошлось благополучно, полезла на печь: до обеда с коровами ничего не случится, а в обед, может, полегчает.

Вот тут-то и пришел Корелин. Выпивши, глаза красные. Загремел по избе из матери в мать, за руку Павлу схватил и выволок с печки.

— Под суд отдам, если сейчас же коров не пойдешь доить!

В одной кофте вытолкал из дому.

Свету не взвидела, на коленях по сугробам до фермы брела, но коров подоила...

Потом, уже на другой день, Корелин извинения просил: не знал, мол, что родила!.. Извинила. Словом. А сердцем — не простила и никогда не простит! До смерти.

Валюшка и теперь не знает этой истории, не

знает, как появилась на свет. Да и зачем такое знать? И без того в жизни не лишку хорошего...

Мысли Павлы вновь перекинулись на Михаила Семеновича. Этого уж никто худом не помянет!.. А доярку-то какую послал! Ждала старушонку, а приехала красавица.

Очень уж по душе Павле пришлось Ольга. С виду тихонькая, стеснительная и какая-то деревенская — светлая, таких только на картинках и рисуют, а в руках у нее все горит. На ферме дела справит, переоденется в чистенькое платьице, фартучек подвяжет и все норовит что-то делать. Пока Валька за водой срыгается, она уж у колодца — легкая на ногу! Во всем помогла: и избу вымыть, и половики перестирать, и постельники свежей соломой набить, и одежку, какая прохудилась, починить. Давайте, говорит, и картошку-то выкопаем, пока я здесь, все равно уж больше не вырастет!

А что, пожалуй, пора картошку копать. И лошадь кстати — не надо мешки с поля на себе носить...

Сумеречно сентябрьское утро. Долго ночная темь борется с дневным светом...

6

Грузить на телегу бидоны с молоком обычно помогала Мише-Маше Валентина. Но с тех пор как на ферме появилась молоденькая подменная доярка, сюда по утрам и вечерам стал наведываться Виталий. Он один, играючи, поднимал тяжелые фляги на повозку, изумляя этим молоковоза.

— Ты... Во сила!.. — говорил Миша-Маша, опасливо косясь на большие красные руки Виталия, и шел искать Валентину.

Когда Виталий приходил на ферму, Валентина старалась уединиться. Она уходила либо чистить коров, либо мыть порожние бидоны и подойники, а иногда тихо стояла в углу коровника. Случалось, из избушки, откуда Виталий выносил бидоны, доносился беззаботный смех Ольги, и тогда сердце Валентины сжималось и ныло...

— Ты что тут стоишь? — спросил Миша-Маша, заметив Валентину возле яслей.

— Тебя жду.

— Ты!.. — расплылся в улыбке молоковоз. — А что, брат-то у ты жениться на Ольке будет?

— Пускай женится. Не жалко.

— Гы... А я на тебе женюсь. Хочешь? — Миша-Маша тянул к девушке слабые немужские руки.

— Уйди, жених! — с тоскливым отчаянием сказала Валентина.

— А что? Я могу...

— Сначала бороду вырасти.

— А что — борода? На чо тебе борода? Без бороды лучше — бриться не надо! — Миша-Маша неожиданно сунулся к Валентине и обхватил ее, широкую и крепкую, руками. — Все равно женюсь, — сопел он.

«Ох, если бы ты был настоящим парнем!..» — с горечью подумала она.

А Миша-Маша, растравляя себя, уже лез ей за пазуху.

— Теплая ты экая. Мяккая... Ы-ых!.. — кричател он.

Валентина вдруг встрепенулась, будто очнулась от тяжелого забытья, глаза ее ожили, сверкнули раздражением.

— Отстань! Как теленок... Надоел! — она упруго отпрянула и резко оттолкнула от себя Мишу-Машу. Тот едва устоял на ногах.

— Гы... Сильная, стерво!.. Ужо, погоди, обра-таю!..

Валентина отошла к окну, взяла скребницу и стала чистить корову.

Миша-Маша исподлобья долго смотрел на нее маленькими глазками, потом выругался матерно и вышел на улицу.

Все бидоны были погружены, и Виталий уже перевязывал повозку.

— Ты где это гуляешь? Ждешь, когда все наго-тово сделают? Гляди, а то и зарплату твою я полу-чать буду, — весело сказал он молоковозу.

— Тебя не просили! — огрызнулся Миша-Ма-ша. — Я бы сам все сделал! — и, усевшись на теле-гу, ожесточенно огрел кнутом лошадь. — Нно, пшла-а!..

Старенькая карая кобылка взмахнула хвостом, прижала уши и тяжелой рысью побежала по грязной дороге; забрякали бидоны, заскрежета-ли колеса...

Из избушки выбежала Ольга.

— От шальной! — она засмеялась.

Виталий взял ее за руку.

— Ну что, пошли домой?

— Пошли!

В окошко коровника Валентина видела, как Виталий и Ольга брели к дому. Они о чем-то ти-хо говорили и шли так близко друг к другу, что плечи их соприкасались.

— Благодать парню! — вздохнула Валентина. — И Ольге повезло... Пусть. Она — хорошая... Тоже в своем Малинине ничего, кроме овец, не видела...

...Павла не удивилась, когда Виталий сказал, что ему надо сходить в Малинино. Она только спросила:

— Один пойдешь?

— Зачем же один? С Олей. Ты уж завтра подои коров за нее.

— Коров-то подою... Больно уж скрута ты надумал...

— А чего тянуть-то?

— Да я ничего... А жить где будете? Здесь?

— Там, на центральной. Председатель же квар-тиру обещал подыскать.

— Чего — квартира? Поговори-ко с отцом. Новый-то дом можно перевезти... И живите, с Богом!

— Это долго. Дом и вам еще пригодится. На бу-дущий год всяко переедете.

— Ну, смотри сам...

На утренней дойке Валентина была необычно сумрачна, ходила по двору быстро, расплескивая молоко, гремела ведрами. По-бабы грубо и рез-ко ругала коров. Павла, молчаливо наблюдавшая за дочерью, не выдержала:

— Чего ты сегодня, как с цепи спущенная?

— А что я, хохотать должна? С какой радос-ти? — рыкнула Валентина, ожесточенно выти-рая вымя коровы, отчего та беспокойно перес-тупала ногами и настороженно косила на до-ярку фиолетовый глаз. — Да стой ты, падина лешаковая!.. — Валентина в сердцах ткнула ко-рову кулаком в пах.

— Чего бесишься? Ежели что не по уму — ска-жи, а то злишься впусе!

— А чего говорить-то? О чем говорить? Вы без меня все решили. Все по-своему, будто меня и нету. Виталька женится, на центральную пере-едет, а Валька таковская и в лесу поживет! — она зажала коленями подойник и быстро-быстро за-работала руками; упругие струйки бились о жесь, молоко брызгало в лицо.

— Неладно говоришь, девка! — с легким укором сказала Павла. — Ежели бы ты замуж выходила — слова бы не сказали, где сприлюбится, там и живи!

— Замуж!.. За мерина я пойду замуж? Или за Мишу-Машу?

— Вот вернется Ольга, и поди ты в отпуск. Съезди в дом-то отдыха, на людей погляди...

— Да я, мама, с людьми уже говорить разучилась!

— Ну, тогда не знаю.

— Во-от!.. Не знаешь, так тоже молчи... Уйду я от вас. Надоело все, — отрешенно сказала Валентина. — Живите вы здесь хоть век свой!..

— Пустое говоришь, девка! — вздохнула мать.

Валентина молчала: она и сама знала, что говорит пустое.

...Свадьбу Ольге и Виталию справили комсомольскую, в колхозном клубе. Много пили, много пели; плясали под радиолу. Перепивший Миша-Маша визгливо кричал:

— А моя невеста где? Почто мне невесту не найдете?..

Его увел участковый.

А под вечер охмелевших стариков Гоглевых и Валентину увезли домой на ветеринарном «газике». Молодожены уехали на председательской машине с родителями невесты в Малинино. К Октябрьским праздникам им было обещано жилье в восьмиквартирном благоустроенном доме.

* * *

Декабрь сыпал и сыпал снегом. Медвежья Лядина утопала в сугробах, которые голубоватыми острыми гребнями тянулись к самым крышам домов. Казалось, зима решила похоронить деревеньку, сравнять ее с окрестными полями, что расстилались по склонам холма.

В темные зимние ночи, как низкая, готовая вот-вот погаснуть, звезда, светился на горе одинокий желтый огонек. И как звезда, он гас в морозной мгле, а под утро снова слабо мерцал на белой вершине холма, возвещая о том, что здесь еще теплится жизнь.

А на рассвете, будто из сугроба, поднимался над крышей дома Гоглевых белесый, с просинью дым. Он медленно плыл меж опустевших домов, сползал в ложбину и редел, и таял...

Как и прежде, на проселке утром и вечером скрипели полозья: это бессменный Миша-Маша приезжал на хутор за молоком. И молчаливая Валентина опять помогала ему грузить на дровни тяжелые фляги. Потом скрип саней смолкал вдалеке, и невольно думалось, что эти звуки уж никогда не потревожат первозданную тишину Медвежьей Лядины.

Но наступил новый день, и все повторялось: и желтый огонек, и дым над крышей, и скрип полозьев на проселке...

Медвежья Лядина продолжала жить.

□

Анатолий ПЕТУХОВ —

прозаик, журналист, публицист.

Его произведения адресованы взрослым и подросткам.

Автор книг: «В зимнем лесу» (1953), «Когда не сидится дома» (1958),

«Корень рода» (1972) и ряда др.

Лауреат многих литературных конкурсов.

Публикуется в «Севере» с 1968 г.

Живет в Вологде.

